

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.303-313

ПЕРВЫЕ ВЫЗОВЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ К МОНГОЛЬСКИМ ПРАВИТЕЛЯМ: 1242–1243 ГОДЫ

А.А. Горский

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
gor-ks@yandex.ru*

Цель исследования: выявить время, обстоятельства и последствия первых требований монгольских завоевателей к сильнейшим русским князьям явиться в ставку Батыя.

Материалы исследования: тексты древнерусских летописей – Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской первой и других, Житие Михаила Черниговского, «История монголов» Иоанна де Плано Карпини.

Новизна и результаты исследования: обосновано, что в конце 1242 – начале 1243 г. требования явиться в ставку Батыя, вернувшегося из похода в Центральную Европу, получили все три сильнейших русских князя – Ярослав Всеволодич, Михаил Всеволодич и Даниил Романович. При этом решение о сохранении за русскими князьями их владений на тот момент еще не было принято, сохранялась возможность реализации применявшегося ранее монголами повсеместно режима непосредственного управления. Михаил и Даниил уклонились от поездки, явившийся к Батью Ярослав получил общерусское «старейшинство». Эти события предопределили установление на Руси модели властвования через посредство местных правителей.

Ключевые слова: Русь, Монгольская империя, Батый, Ярослав Всеволодич, Михаил Всеволодич, Даниил Романович

Для цитирования: Горский А.А. Первые вызовы русских князей к монгольским правителям: 1242–1243 годы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 303–313. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.303-313

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 22-28-00223 «Русские земли и Монгольская империя».

THE FIRST CHALLENGES OF THE RUSSIAN PRINCES TO THE MONGOL RULERS: YEARS 1242-1243

A.A. Gorsky

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
gor-ks@yandex.ru*

Abstract: Research objectives: The article aims to reveal the time, circumstances and consequences of the first demands of Mongol conquerors to the main Russian princes to visit the residence of Batu.

Research materials: The texts of Old Russian chronicles – Hypatian, Laurentian, First Novgorod and others, Vita of Mikhail Chernigovskiy, “History of the Mongols” by John of Plano Carpini.

Results and novelty of the research: It is established that at the end of 1242 – the beginning of 1243 the demands to visit the residence of Batu (who just returned from the campaign in Central Europe) were received by all three of the strongest Russian Princes – Yaroslav Vsevolodich, Mikhail Vsevolodich and Daniil Romanovich. The decision to leave the Russian princes in their possessions at that moment was not accepted yet, and the possibility of the earlier employed Mongol regime of direct control remained. Mikhail and Daniil shied away from the visit, while Yaroslav came to Batu and received an all-Russian ‘seniority’. These events predetermined the establishment of a model of rule in Rus’ through local rulers.

Keywords: Rus’, Mongol empire, Batu, Yaroslav Vsevolodich, Mikhail Vsevolodich, Daniil Romanovich

For citation: Gorsky A.A. The First Challenges of the Russian Princes to the Mongol Rulers: Years 1242–1243. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 303–313. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.303-313 (In Russian)

Acknowledgements: The paper was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00223 “Russian lands and the Mongol Empire”.

Оценка последствий монгольских походов 1236–1242 гг. в Восточную и Центральную Европу обычно отталкивается от свершившихся фактов: степная часть Восточной Европы и Волжская Булгария оказались под непосредственным владычеством завоевателей, земли Руси стали управляться через посредство местных правителей, Венгрия и Польша сохранили независимость. Между тем есть основания для постановки вопроса, была ли зависимость с сохранением местных князей у власти запланирована для Руси завоевателями изначально.

Действительно, для действий Чингизидов в завоеванных странах были характерны две основных модели. Первая – это военная оккупация и непосредственное управление, когда местные правители заменяются монгольскими администраторами. Вторая – управление через посредство династов местного происхождения, признавших власть Чингизидов, получающих от них ярлыки на свое правление, обеспечивающих выплату дани и участвующих в монгольских военных предприятиях. Но ранее западных походов Батыея практически везде применялась первая модель. Так было в Северном Китае, в Средней Азии, Иране, Половецкой земле – местная знать лишалась власти, ее заменяли монгольские правители. Вторая модель управления – через посредство местных владетелей – стала осуществляться в ряде регионов (Закавказье и Малая Азия, Дунайская Болгария, на Дальнем Востоке – Корея) одновременно с покорением Руси или несколько позже. При этом нет оснований полагать, что во время завоевательных походов в ту или иную страну будущий вариант управления ею был заранее запланирован. Это во многом зависело от поведения местных правителей. Так, в Закавказье во второй половине 1230-х гг. владения тех князей, которые во время завоевательного похода являлись к монгольским предводителям и признавали власть великого хана, не разорялись и сохранялись за ними [4, с. 171–173].

Поскольку во время походов Батыя на Северо-Восточную и Южную Русь никто из сильнейших русских князей не признал власть завоевателей, и их земли были повоены, на Руси закономерно должны были ожидать осуществления «первой модели». И некоторые действия монголов такому сценарию соответствовали. В 1240-е гг. под непосредственной властью монгольской администрации находилась южная часть Киевской земли: посол римского папы к монгольскому великому хану Иоанн де Плано Карпини в повествовании о своем путешествии (1245–1247 гг.) отмечает, что расположенный на Днепре ниже Киева Канев был «под непосредственной властью татар» [27, р. 305; 22, с. 67–68]. В аналогичном положении находился Переяславль-Русский (в домонгольский период – столица одной из русских земель): волынский и галицкий князь Даниил Романович во время своей поездки в 1245 г. к Батью через Киев и Переяславль встретил в последнем татар, князя здесь в то время не было [19, стб. 806]. В 1245 г. полководец Батыя Моуци, ведавший западной окраиной улуса Джучи, обратился к Даниилу Романовичу с требованием: «Даи Галичь» [19, стб. 805]¹. Речь явно шла о передаче стольного города под непосредственное управление монголов. Возможно, и в Киеве с момента взятия монголами в конце 1240 г. и до передачи его Батьем Ярославу Всеволодичу (1243 г.) находился монгольский наместник. В «Сокровенном сказании» говорится о поставлении в завоеванных в Восточной Европе городах, среди которых поименно названы Биляр и Киев, «даругачинов» (наместников, управителей) [13, с. 194]. С этим известием можно сопоставить сообщение Галицко-Волынской летописи, что в 1241 г. Михаил Всеволодич Черниговский, вернувшись в Киев после ухода завоевателей из Руси, жил не в городе, а «подъ Киевомъ во островъ» [19, стб. 789]; это может объясняться как раз пребыванием в самом Киеве монгольского наместника. Таким образом, в период сразу после нашествия Батыя и обоснования правителя улуса Джучи в Поволжье имели место реальные случаи как непосредственного владения монголами русскими городами, в том числе стольными, так и претензий на такое владение.

О том, что опасения относительно возможного установления режима непосредственного управления были реальными, свидетельствует рассказ Плано Карпини об отравлении Ярослава Всеволодича в ставке великого хана Гуюка близ Каракорума в 1246 г. Явно передавая информацию, полученную от людей Ярослава (с которыми папский посол тесно общался), он пишет: «...все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землей» [27, р. 323; 22, с. 77]². То есть даже в 1246 г., когда сохранение за русскими князьями, признавшими власть завоевателей, их владений уже, казалось бы, должно было стать очевидным, переход к «первой модели» властвования представлялся вполне возможным.

Вероятность такого хода событий показывали и случаи с правителями некоторых других завоеванных монголами стран, свидетелями которых были русские люди, посещавшие в Монгольскую империю. Плано Карпини рассказывает о случившемся с одним из корейских правителей: «И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата;

¹ В издании Ипатьевской летописи в ПСРЛ слово «даи» разделено на два – «да и». Верное деление на слова см. в издании: [3, с. 109].

² См. подробнее: [6].

мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем солангов» [27, с. 286–287; 22, с. 56].

В свете приведенных наблюдений (подробно см.: [7, с. 58–63]) следует внимательнее рассмотреть сведения о первых после возвращения Батыею из похода в Центральную Европу контактах с монгольскими правителями сильнейших на тот момент русских князей – Ярослава Всеволодича, великого князя владимирского, Даниила Романовича, князя владимиристо-волинского и галицкого, и Михаила Всеволодича, князя черниговского.

Ярослав Всеволодич, занявший главный стол Суздальской земли – во Владимире-на-Клязьме – после гибели в 1238 г. брата Юрия, в 1243 г. отправился к Батыею, будучи «позван», и получил от правителя Улуса Джучи «старейшинство» среди всех русских князей.

Новгородская первая летопись старшего извода под 6750 г.: «Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодиць позванъ цесаремъ татарьскимъ Батыемъ, иде к нему въ Орду» [16, с. 79].

Новгородская первая летопись младшего извода под 6750 г.: «Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодиць позванъ цесаремъ Татарьскимъ, и иде в татары къ Батыеви, воеводѣ татарьску» [16, с. 297].

Лаврентьевская летопись под 6751 г.: «Великий князь Ярославъ поѣха в Татары к Батыеви, а сына своего Константина посла къ Канови. Батыею же почти Ярослава великого честью и мужи его, и отпусти, и рече ему: «Ярославе, буди ты старѣи всѣм князем в Русскомъ языкѣ. Ярославъ же възвратися в свою землю с великою честью» [18, стб. 470].

Новгородская первая летопись помещает известие о требовании приехать, полученном Ярославом, в конце статьи 6750 мартовского года, заканчивавшегося 28 февраля 1243 г. Лаврентьевская летопись поездку князя относит к 6751 мартовскому году, начавшемуся 1 марта 1243 г. Отсюда следует, что вызов поступил к Ярославу, скорее всего, зимой 1242–1243 гг.

Выражением общерусского «старейшинства» Ярослава стало обладание Киевом³.

Даниил Романович отправился в ставку Батыею осенью 1245 г. после получения требования от монгольского полководца Моуци отдать Галич, который он только что отстоял от посягательств сына Михаила Черниговского Ростислава, поддержанного войсками своего тестя венгерского короля Белы IV. В результате за Даниилом были утверждены его владения, включая Галицкую землю [19, стб. 805–808].

Ярослав в начале 1246 г. вновь приехал к Батыею, а от него отправился в ставку великого хана под Каракорумом, где присутствовал на коронации Гуюка в качестве монгольского императора. Перед отъездом в обратный путь он был отравлен матерью Гуюка Туракиной и умер 30 сентября 1246 г. [18, стб. 471; 19, стб. 808; 27, р. 246–247, 319, 323; 22, с. 34, 75, 77].

Михаил Всеволодич отправился в ставку правителя Улуса Джучи летом 1246 г., просить «волости своей» (т.е. Чернигова), но после отказа поклониться идолу Чингиз-хана был по приказу Батыею 20 сентября убит [18, стб. 471; 19, стб. 795; 23, тексты, с. 49–86 (Житие Михаила Черниговского); 27, р. 235–

³ Его засвидетельствовал летописец Даниила Романовича, повествуя о проезде своего князя через Киев к Батыею в 1245 г.: «Обдержашоу Киевъ Ярославу бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ» [19, стб. 806].

236; 22, с. 29]. Причем невыполнение требуемого обряда, по свидетельству Плано Карпини, являлось только поводом, который монголы использовали для расправы⁴.

Таким образом, три сильнейших князя Руси посещали монгольских правителей одновременно: Ярослав впервые в 1243 г., Даниил и Михаил спустя два и три года соответственно. Однако есть основания полагать, что сразу по возвращении Батя из Западного похода требование приехать получил от него не только Ярослав, но и Даниил с Михаилом⁵. Об их действиях в это время сообщает только Галицко-Волынская летопись (т.е. летописец Даниила Романовича).

«Ростислава розгнаша Татарове во Боркоу и бѣжа Оугры, и вдасть за нь паки король Оугорьскый дочѣрь свою. Данилоу же боудушоу во Холмѣ, прибѣже к немуо Половчинъ его именемъ Актаи, рекии, яко Батыи воротилься естъ изо Оугоръ, и отрядил естъ на тя два богатыря возискати тебе, Маньмана и Балаа. Даниль же, затворивъ Холмъ, еха ко братоу си Василкови, поима с собою Коурила митрополита; а Татарове воеваша до Володавы и по озерамъ, много зла створше [...] Слышавъ же короля Михайль вдавъ дочѣрь за сына его, и бѣже Оугры, король же Оугорьскый и сынъ его Ростиславъ чести емоу не створиста. Он же розгнѣвася на сына возвратися Черниговоу» [19, стб. 794–795]⁶.

Основанием для датировки перечисленных в этом повествовании событий является увязка с возвращением Батя «изо Оугоръ». Монголы начали отход с разоренной ими территории Венгерского королевства в конце марта – апреле 1242 г.⁷ Бежать в Венгрию Ростислав Михайлович мог только после того, как до него дошла информация, что король Бела IV возвратился из бегства на острова Адриатики и вернул контроль над своим государством. Это вряд ли случилось ранее лета. Та деталь, что отряды Манмана и Балаа, «искавшие» Даниила Романовича, воевали близ Холма и Володавы (на западном берегу Буга севернее Холма) «по озерам», возможно, является указанием на время, когда водоемы были покрыты льдом. Следовательно, наиболее вероятная датировка описываемых событий: бегство Ростислава в Венгрию и его женитьба на королевне – лето-осень 1242 г.; уход Даниила от Манмана и Балаа – зима 1242–1243 гг.; бегство Михаила в Венгрию после получения известия о женитьбе сына – начало 1243 г. в.⁸ То есть имеет место хронологи-

⁴ «Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими» (*Aliquibus etiam inveniunt occasiones ut eos occidant, sicut de Michaelae et aliis dictum est*): [27, р. 286; 22, с. 55]. Подробно об обстоятельствах убийства Михаила см.: [5].

⁵ Такое предположение высказал Д.Г. Хрусталева [25, с. 262–263].

⁶ В Ипатьевском списке (начало XV в.), где были проставлены отсутствовавшие в первоначальном тексте Галицко-Волынской летописи даты, известиям о Ростиславе и Данииле предпослана дата «Въ лѣто 6751», затем вставлено – «Въ лѣто 6752. Не бысть ничто же. Въ лѣто 6753», и далее идет рассказ о действиях Михаила. Целый текст без этих вставок (начинающийся со слов «В то же время») читается (с пропуском упоминания Батя) в Хлебниковском списке (XVI в.): [19, стб. 793–794, примеч. 68–89; 3, с. 105].

⁷ О действиях войск Батя в Центральной Европе см.: [17; 12, с. 161–165].

⁸ Приход Манмана и Балаа некоторые исследователи датируют зимой 1243–1244 гг. [2, с. 33, примеч.; 28, с. 230–232; 1, с. 126–127]. Однако поскольку галицкий летописец сообщением о Данииле разорвал тесно связанные между собой известия об отъездах Рос-

ческое совпадение с первым контактом с монголами Ярослава Всеволодича: его вызов к Батыю, отъезд Даниила Романовича из Холма и бегство Михаила Всеволодича оказываются близкими по времени – все эти события приходятся на конец 1242 – начало 1243 г.

Когда в конце 1245 г. Даниил появится при дворе Батыя, тот начнет беседу с упрека: «Данило, чему еси давно не пришьель?» [19, стб. 807]. Отсюда следует, что «приглашение» было отправлено много ранее. Очевидно, Манман и Балай «возыскивали» Даниила именно с целью понудить его к визиту в ставку Батыя⁹. Но князь уклонился от встречи с монголами, уехав из своей новой столицы Холма к брату во Владимир-Волынский.

Михаил «бежал», узнав о браке сына с венгерской королевой. Ранее галицкий летописец в таких же выражениях говорит об отъездах Михаила в Венгрию и Польшу – в 1239 г. после приближения монголов к Киеву, где он тогда княжил («Михаиль бѣжа по сыноу своемъ перед Татары Оугры» [19, стб. 782]), и в 1240 г. после получения вести о взятии Киева («Михаиль же оувѣдѣвъ приятье Киевское и бѣжа со сыномъ своимъ во Ляхы Кондратови» [18, стб. 783–784]). От кого мог бежать Михаил Всеволодич в 1243 г.? Только от тех же «татар». Поскольку после предыдущих случаев он возвращался на Русь и с 1241 до 1243 г. находился там¹⁰, очевидно, что к новому бегству его должна была побудить какая-то конкретная угроза. Скорее всего, это было требование явиться к вернувшемуся из похода Батыю. Но Михаил, рассчитывая на поддержку венгерского короля, ставшего только что его сватом, предпочел отправиться не на восток, а на запад¹¹.

Итак, вероятнее всего, что требование явиться к Батыю с личным визитом было направлено *одновременно* трем главным русским князьям. Каждый из них незадолго до нашествия владел Киевом – номинальной столицей всей Руси. Ярослав был киевским князем в 1236–1238 гг., Михаил в 1238–1239, Даниил – в 1240 [19, стб. 777, 782; 8, с. 20]. Вопрос стоял о признании зави-

тислава и Михаила в Венгрию (вопреки своей склонности излагать цельные сюжеты, не считаясь с неточностями в последовательности событий), значит приход монголов к Холму явно имел место между ними. И крайне маловероятно, чтобы Михаил, получив весть о женитьбе сына, выжидал с поездкой к королевскому двору до 1244 г. (ср.: [11, с. 92–93, примеч. 91]. Кроме того помещенный после сюжета о Михаиле (продолженного упоминанием о его поездке к Батыю и гибели, происшедших позже, в 1246 г.) рассказ о войнах Даниила и Василька Романовичей против польского князя Болеслава Стыдливого [19, стб. 795–797] начинается, несомненно, с событий лета 1243 г., см.: [10, с. 31, 66; 28, s. 219; 26, s. 246; 14, с. 65–66; А.В. Майоров акцию Манмана и Балая датирует весной 1242 г., что неоправданно рано, так как в это время Батый еще не «воротился» из венгерского похода; датировка Д. Домбровского – осень 1242 г.: 26, s. 471].

⁹ В сочетании «дипломатической» и военной функций миссии нет ничего необычного: в последующей истории русско-ордынских отношений нередки случаи, когда ханских послов сопровождали внушительные военные силы, чинившие разорения, см.: [20, стб. 37, 42, 67; 21, с. 83, 88–89, 92–94].

¹⁰ Пребывал он вплоть до 1243 г. в Киеве, на острове под которым поселился в 1241 г. (см. примеч. 6), или переехал в Чернигов, остается неясным (если буквально воспринимать слова галицкого летописца, что из Венгрии князь «возвратися Чернигову», предпочтительнее второе предположение).

¹¹ Отрицательное отношение летописца к Михаилу Всеволодичу, долгие годы бывшему противником его героя – Даниила Романовича, проявилось в формулировках: если Даниил, спасаясь от татар, к брату «едет», то Михаил к королю – «бежит».

симости, и в случае, если бы оно состоялось – кого из них утвердить киевским князем и, соответственно, главным среди русских князей¹².

Согласно тексту старшего извода Новгородской первой летописи, Ярослав был «позванъ цесаремъ татарьскимъ Батыемъ», согласно младшему изводу – «позванъ цесаремъ Татарьскимъ, и иде в татары къ Батыеви, воеводѣ татарьску». Вполне возможно, что младший извод в данном случае ближе к первоначальному тексту, поскольку в середине XV в. (время его составления) тонкости титулатуры монгольских правителей середины XIII столетия¹³ были неактуальны, и сомнительно, чтобы летописец мог исправить простое и понятное «позванъ цесаремъ татарьскимъ Батыемъ» на более сложную конструкцию с упоминанием безымянного «цесаря» и Батыя в качестве воеводы. Но основанное на этом чтении допущение, что Ярослав был вызван еще великим ханом Угедеем [25, с. 285] (умершим в декабре 1241 г.) представляется избыточным. Скорее всего Батый имел полномочия приглашать к себе князей от имени великого хана¹⁴. Подразумевалось, что тот, кто будет им выбран в качестве «старейшего», отправится в Каракорум.

В результате на вызов откликнулся только Ярослав Всеволодич. Батый пожаловал ему «старейшинство», а в Каракорум, поскольку в 1243 г. Гююк еще не был утвержден в качестве преемника Угедеев, поехал его сын Константин. Самого Ярослава Батый направит к великоханскому двору тогда, когда вопрос о коронации Гююка станет делом решенным, в 1246 г.¹⁵

Таким образом, в первые годы после нашествия Батыя завоевателями на Руси вводились элементы прямого управления. Наместники были оставлены в Киеве и Переяславле – стольных городах, оказавшихся в тылу двигавшегося на запад войска. Русь воспринималась монголами как единое политическое целое во главе с Киевом. Далее встал вопрос – продолжать устанавливать непосредственное управление или сохранить местных правителей на условиях завоевателей. Для этого сразу по возвращении из Западного похода – в конце 1242 г. – трем сильнейшим князьям были направлены требования явиться к Батыю, со ссылкой на волю великого хана.

Если бы никто из троих – Ярослава Всеволодича, Михаила Всеволодича и Даниила Романовича – не откликнулся на вызов, вполне возможно, что установление прямого управления получило бы продолжение (другой вопрос, хватило ли бы для этого ресурсов).

¹² Впоследствии, во второй половине XIII–XIV в., при смене хана или по смерти великого князя владимирского в Орду ездили все сильнейшие князья, и ханы выбирали, кому отдать ярлык на великое княжение. Естественно, что в момент формирования Улуса Джучи в новых, включающих территорию Восточной Европы, границах к его правителю также были приглашены все ключевые фигуры.

¹³ «Цесарем» на Руси до отделения Улуса Джучи от Монгольской империи именовали великого хана, см.: [14, с. 30].

¹⁴ В Житии Михаила Черниговского говорится, что русских князей начали «звати татарове ноужю, глаголюще: «Не подобаеъ жити на земли канови и Батыевѣ, не поклонившеся има»» [23, тексты, с. 55]; вероятно, подразумеваются как раз посольства от Батыя, посылающиеся на великого хана.

¹⁵ Также и впоследствии, после смерти Ярослава, Батый отправил к великоханскому двору его сыновей, Александра и Андрея, для решения вопроса об общерусском старейшинстве [18, стб. 472].

Даниил и Михаил тогда уклонились от визита к Батюю. У них имелись серьезные резоны опасаться за свою жизнь. Михаил не сдал Киев при подходе к нему отряда во главе с Менгу в 1239 г. [19, стб. 782]. Даниил владел Киевом на момент его осады осенью 1240 г. (хотя сам там и не находился), столицу Руси оборонял его тысяцкий Дмитр [19, стб. 782, 784–786]. Ярослав же во время нашествия на Северо-Восточную Русь пребывал в Киеве, а во время похода на Южную Русь – во Владимире; в вину ему можно было поставить только «несдачу» Переяславля-Русского, захваченного монголами в марте 1239 г.¹⁶

Даниил «оттянул» свою поездку в ставку правителя Улуса Джучи до 1245 г., не покидая своей земли¹⁷. Михаил же, узнав в одно время с вызовом к Батюю о женитьбе сына на королевне, предпочел бежать в Венгрию, но этот выбор не принес желаемого. Очевидно, Бела IV боялся спровоцировать новый поход монголов на свою страну, поддержав бежавшего от них правителя. Король чутко следил за настроениями завоевателей по отношению к русским князьям: позже (в 1246 г.) перемену его отношения к Даниилу Романовичу (приведшую к браку дочери Белы и Льва Даниловича) галицкий летописец объяснит именно успешным визитом последнего к Батюю [19, стб. 809].

Ярослав решился приехать – и получил общерусское главенство, став не только великим владимирским, но и киевским князем. Даниилу и Михаилу пришлось реагировать на сложившуюся ситуацию; они позже сами принимали решение отправиться к Батюю, и рассчитывать уже могли только на отчинные владения – Галич с Владимиром-Волинским и Чернигов соответственно. Даниил получил желаемое, для Михаила поездка закончилась гибелью. И его выбор в пользу Венгрии 1243 г. сыграл здесь, скорее всего, роковую роль.

Очень вероятно, что именно визит Ярослава Всеволодича в ставку Батюю в 1243 г. во многом предопределил установление на Руси модели опосредованного, с сохранением местных правителей, владычества Монгольской империи. И, несомненно, обусловил тот факт, что старейшинство среди всех русских князей закрепилось затем за великими князьями владимирскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрович В., Войтович Л. Король Данило Романович. Біла Церква, 2013. 240 с.
2. Волощук М. Проблема кількості візитів Данила Романовича in Tartaria: джерелознавчий аналіз угорського диплому від 22 квітня 1244 р. // Дрогоичинь 1253: Матеріали Міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича. Івано-Франківськ, 2008. С. 18–36.
3. Галицько-Волинський літопис. Київ, 2002. 400 с.

¹⁶ Переяславль накануне нашествия входил во владения великих князей владимирских, следовательно, на момент его взятия войсками Батюю – Ярослава Всеволодича, см.: [9, с. 31]. Но контролировал ли Ярослав его в начале 1239 г. реально – неясно.

¹⁷ Вполне вероятно, что он имел контакты в 1243–1244 г. с Моуци, см.: [24, с. 122–123], но для предположений о посещении ранее 1245 г. Батюю серьезных оснований нет (см. об этом: [14, с. 53–54]).

4. Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 166–186.
5. Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 138–154.
6. Горский А.А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014. С. 179–190.
7. Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.
8. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. 192 с.
9. Горский А.А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. 2018. Т. 25: Экспансия Монгольской империи. С. 30–39.
10. Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Т. 41. Кн. 3. Львів, 1901. С. 1–72.
11. Димник М. Борьба за Галич между Даниилом Романовичем и Михаилом Всеволодичем // *Rossica antiqua*. 2013. № 1 (7). С. 55–103.
12. История татар с древнейших времен. Т. 3. Казань, 2009. 1051 с.
13. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. 619 с.
14. Майоров А.В. Даниил Галицкий и «принц тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. 2013. № 1 (31). С. 53–77.
15. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940. 178 с.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. 642 с.
17. Пашуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 204–221.
18. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 1997. 496 с.
19. ПСРЛ. Т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 2001. 648 с.
20. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1 (Рогожский летописец). Пг., 1922. 133 с.
21. ПСРЛ. Т. 18 (Симеоновская летопись). СПб., 1913. 321 с.
22. Путешествия в восточные страны ПланоКарпини и Рубрука. М., 1957. 287 с.
23. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Пг., 1915. 186 с.
24. Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134.
25. Хрусталева Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. 414 с.
26. Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna. Kraków, 2012. 538 с.
27. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. 522 s.
28. Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264. Kraków, 2011. 362 с.

Сведения об авторе: Антон Анатольевич Горский – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: gor-ks@yandex.ru

*Поступила 16.03.2022 Принята к публикации 27.05.2022
Опубликована 29.06.2022*

REFERENCES

1. Alexandrovich V., Voitovich L. *King Danilo Romanovich*. Bila Tserkva, 2013. 240 p. (In Russian)
2. Voloshchuk M. The problem of the number of visits of Danylo Romanovych in Tartaria: source analysis of the Hungarian diploma of April 22, 1244. *Materialy Mizhnarodnoyi naukovoyi konferentsiyi z nahody 755-yi richnytsi koronatsiyi Danyla Romanovycha* [Drogychyn 1253: Proceedings of the International Scientific Conference on the occasion of the 755th anniversary of the coronation of Danylo]. Ivano-Frankivsk, 2008, pp. 18–36. (In Russian)
3. Galitsky-Volinsky litopis. Kiev, 2002. 400 p. (In Russian)
4. Galstyan A. The conquest of Armenia by Mongol armies. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow, 1977, pp. 166–186. (In Russian)
5. Gorsky A.A. The death of Mikhail Chernigov in the context of the first contacts of Russian princes with the Horde. *Medieval Rus*. Issue 6. Moscow, 2006, pp. 138–154. (In Russian)
6. Gorsky A.A. About the circumstances of the death of Grand Duke Yaroslav Vsevolodich. *“For love, for the truth, without any tricks”: Friends and colleagues to the 80th anniversary of V. A. Kuchkin*. Moscow, 2014, pp. 179–190. (In Russian)
7. Gorsky A.A. The establishment of the Mongol empire’s rule over Rus’: regional specifics. *Historical Bulletin*. 2014. Vol. 10: Mongol conquests and Rus’, pp. 58–79. (In Russian)
8. Gorsky A.A. *Russian lands in the XIII–XIV centuries: ways of political development*. St. Petersburg, 2016. 192 p. (In Russian)
9. Gorsky A.A. Establishment of the relations between the Mongol Empire and Rus’: the case of Yaroslav Vsevolodich. *Historical Bulletin*. 2018. Vol. 25: Expansion of the Mongol Empire, pp. 30–39. (In Russian)
10. Hrushevsky M. Chronology of events of the Galician-Volyn chronicle. *Zapysky Naukovoho tovarystva imeny Shevchenka*. Vol. 41. Book 3. Lviv, 1901, pp. 1–72. (In Russian)
11. Dimnik M. The struggle for Galich between Daniil Romanovich and Mikhail Vsevolodich. *Rossica antiqua*. 2013, no. 1 (7), pp. 55–103. (In Russian)
12. History of the Tatars from ancient times. Vol. 3. Kazan, 2009. 1051 p. (In Russian)
13. Kozin S.A. *The secret history*. Moscow; Leningrad, 1941. 619 p. (In Russian)
14. Mayorov A.V. Daniil Galitsky and “Prince of the Tartars” on the eve of Batu's invasion of Southern Russia. *Rusin*. 2013, no. 1(31), pp. 53–77. (In Russian)
15. Nasonov A.N. *Mongols and Rus’*. Moscow-Leningrad, 1940. 178 p. (In Russian)
16. Novgorod first chronicle according to the Older and Younger Transcripts. Moscow-Leningrad, 1950. 642 p. (In Russian)
17. Pashuto V.T. The Mongol march into the depths of Europe. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow, 1977, pp. 204–221. (In Russian)
18. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1 (Laurentian Chronicle). Moscow, 1997. 496 p. (In Russian)
19. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 2 (Ipatiev Chronicle). Moscow, 2001. 648 p. (In Russian)
20. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 15. Issue 1 (Rogozhsky chronicle). Petrograd, 1922. 133 p. (In Russian)
21. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 18 (Simeon Chronicle). St. Petersburg, 1913. 321 p. (In Russian)
22. Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1957. 287 p. (In Russian)
23. Serebryansky N.I. *Old Russian princely lives*. Petrograd, 1915. 186 p. (In Russian)
24. Stefanovich P.S. Political development of Galician-Volynian Rus’ in 1240–1340 and relations with the Horde. *Russian History*. 2019, no. 4, pp. 116–134. (In Russian)

25. Khrustalev D.G. *Rus and the Mongol invasion (20–50s of the XIII century.)*. St. Petersburg, 2013. 414 p. (In Russian)
26. Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna. Kraków, 2012. 538 p. (In Polish)
27. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. Spoleto, 1989. 522 p. (In Latin and Italian)
28. Nagirnyj W. *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264*. Kraków, 2011. 362 p. (In Polish)

About the author: Anton A. Gorsky – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail:gor-ks@yandex.ru

*Received March 16, 2022 Accepted for publication May 27, 2022
Published June 29, 2022*